Торопицын Илья Васильевич

СТАРШИЙ ЖУЗ В ОРБИТЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1730-Х ГГ.

Статья посвящена дипломатическим связям России со Старшим казахским жузом в середине 1730-х гг. Основное внимание в работе уделено формированию концепции восточной политики России на среднеазиатском направлении, а также вопросам, связанным с подготовкой к принятию в российское подданство Старшего казахского жуза, и перспективам развития русско-среднеазиатской торговли. Характеризуются меры, предпринимаемые для выполнения этих задач руководством Оренбургской экспедиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 198-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)

Статья посвящена дипломатическим связям России со Старшим казахским жузом в середине 1730-х гг. Основное внимание в работе уделено формированию концепции восточной политики России на среднеазиатском направлении, а также вопросам, связанным с подготовкой к принятию в российское подданство Старшего казахского жуза, и перспективам развития русско-среднеазиатской торговли. Характеризуются меры, предпринимаемые для выполнения этих задач руководством Оренбургской экспедиции.

Ключевые слова и фразы: восточная политика России в 1730-е гг.; русско-казахские отношения; Старший казахский жуз; Оренбургская экспедиция; И. К. Кирилов.

Илья Васильевич Торопицын, к.и.н.
Кафедра истории России
Астраханский государственный университет
itoropitsyn@mail.ru

СТАРШИЙ ЖУЗ В ОРБИТЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1730-Х ГГ.©

Восточный вектор внешней политики Российского государства в 30-е гг. XVIII в. характеризуется повышенным вниманием к среднеазиатскому направлению. Под личным контролем кабинет-министра А. М. Черкасского в 1732 г. формируется и направляется из Астрахани в Хиву русский торговый караван. С 1731 г. начинаются переговоры с казахскими ханами и старшинами о принятии их жузов в российское подданство. В 1734 г. с целью продвижения интересов России в Среднюю Азию создается Оренбургская экспедиция.

К концу правления императрицы Анны Иоанновны происходит формальное оформление принятия российского подданства представителями правящей элиты Младшего и части Среднего казахских жузов. Имелись у российских властей аналогичные планы и в отношении Старшего жуза, от хана и старшин которого также неоднократно поступали просьбы принять их со всем народом в российское подданство.

В большинстве историографических работ, посвященных российско-казахским отношениям, контакты представителей России и Старшего жуза отражены фрагментарно. Исследователи обращают внимание в основном на два исторических эпизода: прошение старшин Старшего жуза к российским властям с просьбой о принятии их в подданство и последующую реакцию на это обращение российского правительства (1733-1734 гг.), а также на события, имевшие место в 1738 г., которые были связаны с аналогичным волеизъявлением хана Старшего жуза Жолбарса [2, с. 156; 3, с. 123, 134; 4, с. 73-74; 5, с. 243; 6, с. 170; 9, с. 170-171; 12, с. 109].

При этом в данных работах сколько-нибудь серьезный анализ формирования внешнеполитического курса России в ответ на эти обращения отсутствует. А между тем проект, разработанный в 1730-е годы обер-секретарем Сената И. К. Кириловым, показывает, что российские власти, проводившие восточную политику страны, придавали большое значение развитию взаимоотношений государства со Старшим казахским жузом.

Так, в своем известном проекте «об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими» (1734 г.) И. К. Кирилов уделил обстоятельное внимание анализу внутренней и внешнеполитической ситуации в казахских жузах. Он указывал, что казахский народ разделен на три орды (жуза): Старшую, Среднюю и Малую, которые управлялись наследственными ханами. «Оные орды, когда были в согласии, то имели во владении своем знатные провинции и городы: Туркестан, Сайрам, Ташкент и иныя к ним принадлежащие местечки, кои лежат по Сыр-Дарье (или реке), впадающей в Аральское море… а как между собою не в давних годех вошли не в согласие, то Зюнгарский калмыцкий владелец Контайша у них все оныя провинции отнял» [11, с. 34-35]. Это обстоятельство, по мнению И. К. Кирилова, стало причиной непрестанных казахско-джунгарских войн. В связи с этим обер-секретарь Сената предлагал использовать противоречия между этими народами для укрепления российского влияния в Центральной Азии.

«Большой киргиз-кайсацкой орде, которая ныне просит у Ея Императорского Величества в подданство, – подчеркивал И. К. Кирилов, – нетокмо отказывать не надлежит, но и всякими образы приласкать, потому что от той и прочих киргиз-кайсацких орд бухарцы и другие тамошние народы в страхе находятца… Когда ж они будут под российскою протекциею, то и для зюнгорского калмыцкого владельца и для Водокшана надобны, так что, вместо здешних войск чужия да на чужих же воевать будут». В подтверждение своих слов И. К. Кирилов ссылался на переговоры, которые активизировались между Бухарой и Младшим казахским жузом. Обер-секретарь Сената подчеркивал, что инициатором их выступил бухарский хан после того, как узнал, что Абулхаир-хан вступил в российское подданство. Бухарские посланцы просили хана Младшего жуза, чтобы он «с ними жил в дружбе». В случае вступления в подданство России Большого жуза бухарцы, по мнению И. К. Кирилова, «наипаче принудятца к тому, что Россия от них пожелает», так как уже имели возможность оценить силу казахов Большого жуза, которые, «потеряв городы и провинции Контайше», несколько лет назад осадили Бухару и «всех узбеков разорили». Бухарцы вынуждены были откупиться от казахов весьма дорогой ценой («а то подлинная правда, что баранов и овец, от коих бухарския овчинки выходили, едва не всех перевели») [Там же, с. 42].

© Торопицын И. В., 2012

Проект И. К. Кирилова, как известно, был в целом одобрен российскими властями, а сам он назначен руководителем Оренбургской экспедиции. В императорской инструкции, данной 18 мая 1734 г., ему поручалось войти в сношения с ханами и старшинами Старшего и Среднего жузов и добиться получения от них присяги на подданство России. При этом весьма характерно, что правящие круги России вполне отдавали отчет о тех сложностях, которые могли возникнуть в связи с реалиями казахского подданства. И. К. Кирилов акцентировал внимание в своем проекте на том, что полностью доверять казахским феодалам, которые принесли присягу на подданство, «по их легкомыслию никак нельзя». В отношении казахов, по мысли автора проекта, следовало проводить специальную политику по утверждению в российском подданстве и рассматривать их «не так как прямых подданных», а в качестве «привилегированных народов».

Эти мысли нашли отражение в инструкции, которая была вручена И. К. Кириллову. «Понеже сей киргизкайсацкой народ, как о нем известно, степной и непостоянной, купно же и своим ханам непокорный, того ради на обращении и поступки их накрепко смотреть, – говорилось в ней, – и к тому приводить, чтоб они в подлинной Нашей подданнической верности были, иногда страхом, а иногда награждением Нашей Императорской милости, ежели кто из них какую службу покажет…» [Там же, с. 8-9]. Это показывает, что самого факта признания казахскими феодалами российского подданства путем принятия ими императорских грамот и принесения присяги на верность российским властями было недостаточно. Инструкция свидетельствует, что в Санкт-Петербурге готовились к тому, что процесс вхождения казахов в состав империи будет весьма непростым.

Проявляли заинтересованность в установлении отношений с Россией и сами феодалы Старшего жуза. В конце 1733 г. к Абулхаир-хану прибыли посланцы Старшего жуза Аралбай и Арасгельды-батыр, которые заявили, что направлены к нему от «Большой орды» с прошением, «чтоб он, Абулхаир-хан, просил е.и.в. всемилостивейшей государыни, чтоб и Большая орда всемилостивейшим указом е.и.в. по прошению Абулхаир-хана в подданство всероссийское принята была, как и он, Абулхаир-хан, всемилостивейшим указом в подданство всероссийское принят». Посланцы объявили о готовности Старшего жуза «служить» России и наравне с другими подданными «все повеления исполнять» и выразили особую заинтересованность в установлении торговых связей между российскими и среднеазиатскими городами. При этом было объявлено, что все старшины Старшего жуза принесут присягу, «когда указом е.и.в. хто прислан будет к Абулхаир-хану на устья реки Орь, и тамо учинит с ним кондиции» [7, с. 101]. Посланцы привезли с собой письменное прошение на имя российской императрицы о вступление в подданство, подписанное старшинами Старшего жуза – Толе-бием, Кодар-бием, Кангильды-батыром и другими, которое было доставлено в столицу России.

Данные события получили в историографии неоднозначную оценку. Большинство исследователей признает факт обращения в 1733-1734 гг. Старшего жуза за подданством к России. Однако А. И. Левшин полагает, что это обращение не следует рассматривать всерьез, так как оно исходило от имени отдельных старшин, а не было адресовано от самого хана Жолбарса («Юлбарса»). Автор утверждает, что Аралбай и Арасгельды-батыр не являлись посланцами Старшего жуза, а были посланы Абулхаир-ханом, «который мнимой властию над Большою ордою желал придать себе более важности при дворе российском и чрез то приобресть влияние на весь народ казачий». В доказательство своих выводов А. И. Левшин приводит цитату из текста грамоты, адресованной хану Старшего жуза, в которой говорилось: «Подданный наш, Абулхаир-хан, всеподданнейше нам доносил, что он Вас уже в подданство наше и принял, и с тем прислал ко двору нашему посланцев ваших Аральбая и Арасгельды-батыра» [9, с. 170-171]. В противоположность ему П. И. Рычков в своем сочинении прямо указывает, что посланцы Большого жуза отправились к российскому Двору с санкции хана Жолбарса («от Большой киргиской орды Юлбарс-хан с прошением российскаго подданства, с ним же, Тевкелевым, посланцов отправил» [14, с. 28]).

С утверждениями А. И. Левшина трудно согласиться, хотя в пользу его версии, казалось бы, говорит цитируемый им документ. Однако текст данной грамоты не следует воспринимать буквально. В Санкт-Петербурге не могли не понимать, что принятие в подданство осуществляется в результате принесения личной присяги, что должны были засвидетельствовать российские представители, как это было в случае с принятием в подданство самого хана Младшего жуза. В данном случае российские власти лишь подчеркнули в грамоте, что им стало известно о стремлении феодалов Старшего жуза последовать примеру соплеменников, принявших подданство России.

Что касается адресатов, указанных в грамоте, то российским властям к тому времени было известно, что казахи Большого жуза кочевали отдельно от других казахских племен. Букенбай-батыр подчеркивал в разговоре с переводчиком А. И. Тевкелевым, что «Большая орда… с Среднею и с Малою ордами… не съезжается» и управляется собственным ханом. Несмотря на это грамота была адресована старшинам и всему Старшему жузу. Это лишний раз доказывает, что российские власти признавали, что в политической жизни казахского общества султаны и старшины имели не меньшее влияние, чем ханы. Так, Б. П. Гуревич указывает, что всеми делами в Старшем жузе вершил «знатный батыр Тулебай», а В. А. Моисеев называет бия Толе Алибекова фактическим соправителем хана Жолбарса в Старшем жузе. В данном случае речь идет об одном из тех старшин (Толе-бие), кто подписал прошение на имя императрицы Анны Иоанновны о вступлении в подданство, в котором прямо говорилось, что старшины направляют от себя с прошением посланцев Аралбая и Арасгельды-батыра [4, с. 62; 7, с. 62, 103; 12, с. 86].

С другой стороны, российские власти не были склонны принижать заслуги Абулхаир-хана в развитии русско-казахских отношений. По этому поводу И. К. Кирилов предлагал в грамоте на имя хана Младшего жуза похвалить его за «службу, кою он… привел к подданству большую орду и аральского хана с народом»,

и поручить ему, «чтоб он их к шерти привел». Для этого И. К. Кирилов советовал направить к Абулхаир-хану с побывавшими в Санкт-Петербурге казахскими представителями особую грамоту к хану Большого жуза «и ко всему народу» [11, с. 32]. Соответствующие грамоты на имя не только хана и старшин Старшего, но и Среднего жуза были изготовлены и вручены И. К. Кирилову при его отъезде в Оренбургскую экспедицию. Но российские власти решили не перепоручать Абулхаир-хану приведение к присяге казахов Старшего жуза. В инструкции И. К. Кирилову были даны указания лично принять эту присягу у знати обоих жузов.

В историографии утвердилось мнение, что принять в подданство России Старший жуз И. К. Кирилову помешали отдаленность его территории от российских границ, межфеодальные усобицы в Казахстане и осложнение внешнеполитической обстановки в связи с нападением Джунгарии на Старший жуз. Неслучайно исследователями отмечалось, что адресованная старшинам Старшего жуза в 1734 г. императорская грамота о принятии их и «всей их орды» в российское подданство так и осталась не отправленной по назначению [4, с. 7; 5, с. 243; 9, с. 171; 12, с. 96]. При этом о каких-либо шагах руководителя Оренбургской экспедиции в этом направлении ничего конкретного не сообщается.

Однако это упрощенный подход. Он не объясняет, почему И. К. Кирилов, прекрасно осведомленный о районе кочевания казахов Старшего жуза, 11 июля 1734 г. затребовал у Коллегии иностранных дел подробные записки и копии грамот, относящихся к русско-восточным делам. Его особенно интересовали сведения о казахско-джунгарских и казахско-бухарских отношениях. Обер-секретарь Сената, произведенный в связи с назначением руководителем Оренбургской экспедиции в статские советники, указывал, что «бухарцы от Большой киргиз-кайсацкой орды прежде в осаде немалое разорение претерпели, а ныне едет бухарский посол», поэтому он вполне мог затронуть на переговорах с российской стороной тему бухарско-казахских отношений. Джунгары, по словам И. К. Кирилова, захватили ранее принадлежавшие казахам среднеазиатские города и «местечки», но потом сами их оставили «по причине имеющейся между китайцами и ими, зюнгорскими калмыками, войны» и на тот момент ими уже не владели. С другой стороны, джунгары постоянно предъявляли претензии российской стороне в отношении многих территорий Сибири и «ясашных народов», которыми владела Россия. Эти сведения были необходимы И. К. Кирилову, «чтоб во время каких-либо от сих народов пересылок и представлений, мочно надлежащия ответы чинить» [7, с. 119]. Это показывает, что руководитель Оренбургской экспедиции понимал, что обстановка в среднеазиатском регионе в любой момент может измениться и ему следует заранее готовиться реагировать на различные варианты развития событий. При этом сама вероятность изменения обстановки не только принималась им во внимание, но и являлась неотъемлемой частью стратегии, к которой он был готов.

Так, донесение И. К. Кирилова и А. И. Тевкелева в Коллегию иностранных дел от 24 октября 1734 г. показывает, что руководители Оренбургской экспедиции владели последней оперативной (насколько это было возможно) информацией о ситуации в среднеазиатском регионе. Они сообщали, что хан Старшего жуза Жолбарс прислал в Уфу трех своих посланников, которые объявили, что он со всею ордою «во владении прежних городов Ташкента и иных (кои завоевал бывший зюнгорской владелец контайша, а сын его Галдан-Черин для китайской войны покинул) вступили, откуду их, посланцев, и прислал, и ныне-де владеют спокойно, и калмыки зенгорские присылали к ним, дабы жить в миру» [Там же, с. 120-121]. Эти сведения подкрепляли решимость И. К. Кирилова целенаправленно продвигаться по пути осуществления своей миссии, первоочередной задачей которой было основание русского города на реке Орь как непременное условие по выполнению принятых на себя обязательств между Россией и казахскими жузами.

Не будем забывать, что сама по себе грамота о принятии в подданство ни о чем еще не свидетельствовала. Это был всего лишь документ, который следовало объявить правителю народа, вступающему в подданство, при обязательном соблюдении определенного церемониала. О том, какое большое значение придавалось российскими властями церемониальной стороне данного вопроса, ярко показано в работе Ж. Б. Кундакбаевой [8, с. 67-92]. Без этого ритуала грамота была, по сути, недействительной, и российские руководители того времени это прекрасно понимали. Фактически этим грамотам придавалось в России значение не правоустанавливающего документа, вступавшего в силу с момента его написания, а своеобразного письма-приглашения с изъявлением воли российского правителя, дававшего свое согласие на принятие в подданство, которое следовало оформить в ходе традиционной личной присяги кочевого владельца по «их законам». Вступавший в подданство должен был подписать текст присяги и (или) заверить ее своей печатью [13, ед. хр. 1167, л. 714 об. - 715]. Только после этого данный документ получал законную силу и удостоверял подданство России определенного феодала и его народа. Неслучайно в инструкции И. К. Кирилову говорилось, что адресованные ханам и старшинам Старшего и Среднего жузов грамоты посланы с ним для того, «чтоб они ханы или сами приехали с знатною старшиною или вместо себя детей своих с старшиною ж прислали к тебе и учинили Нам подданническую присягу». В самой грамоте Старшему жузу выражалось согласие императрицы Анны Иоанновны на принятие старшин и подвластных им людей в российское подданство. Для этого казахским феодалам предлагалось прибыть к руководству Оренбургской экспедиции для персонального принесения присяги [7, с. 118-119; 11, с. 64].

Говоря о развитии русско-казахских отношений, необходимо также иметь в виду, что на них оказывали заметное влияние события, происходившие на Южном Урале, который с середины 30-х гг. XVIII в. был охвачен восстанием башкир, поводом для которого послужили первые шаги в деятельности Оренбургской экспедиции. Непрестанные нападения восставших на колонны российских войск и обозов Оренбургской экспедиции существенно замедлили темп реализации планов российских властей. Из-за этого закладка нового русского города –

Оренбурга – смогла состояться только в августе 1735 г. Примечательно, что при этом знаменательном событии присутствовали казахи не только Младшего, но и Старшего жуза, а также представители ташкентского купечества [10, с. 213]. При этом обращает на себя внимание отсутствие среди участников церемонии закладки Оренбурга представителей Среднего жуза. Данный факт нельзя назвать случайным. И. К. Кирилов отмечал в своем представлении о казахской и каракалпакской ордах (1734 г.), что Средний жуз во главе с ханом Семеке («Шемякой») территориально располагался между кочевьями Младшего и Старшего жузов, что казахи Среднего жуза «еще в противности стоят и подданства не приняли», однако, полагал он, «как увидят порядочные с российской стороны поступки с Абулхаир ханом и с Большою ордою, то скоро склонятца к подданству» [11, с. 34-35]. Это свидетельствует, что первоочередная ориентация российских властей на развитие отношений с Младшим и Старшим жузами, выразившими склонность к вступлению в российское подданство и ничем себя не скомпрометировавшими в глазах российских властей, была сделана сознательно. Демонстрируя казахским представителям и «ташкентским сартам» закладку Оренбурга, И. К. Кирилов показывал серьезность намерений России и вполне оправданно ожидал от их правителей ответных действий.

В донесении императрице Анне Иоанновне от 4 сентября 1735 г. руководитель Оренбургской экспедиции сообщал, что церемония закладки нового города прошла успешно. Он отпустил казахских представителей в свои жузы и послал письмо к Абулхаир-хану, приглашая его на будущий год приехать в Оренбург, который к тому времени он рассчитывал достроить [10, с. 214]. О каких-либо шагах в отношении Старшего жуза в донесении не сообщалось. Однако это не дает основания полагать, что руководство Оренбургской экспедиции не предпринимало мер по развитию отношений с этим жузом. В 1736 г. в разгар башкирского восстания руководитель Оренбургской экспедиции в письме к фавориту императрицы курляндскому герцогу Э. И. Бирону подчеркивал необходимость продолжения начатых Россией шагов на среднеазиатском направлении, несмотря на сопротивление башкир. «Буде, милосердный государь, – подчеркивал И. К. Кирилов, – для такого малого воровского нападения да оставлено будет к великой славе и пользе зачатое дело, то не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных Бухарских и Самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим…» [3, с. 136]. Анализ письма красноречиво свидетельствует, что речь в нем шла о Младшем и Старшем казахских жузах (хан последнего проживал в Ташкенте). Таким образом, И. К. Кирилов прямо увязал необходимость продолжения Оренбургской экспедиции с вопросами утверждения в российском подданстве казахов и других среднеазиатских народов.

Кроме того, еще в феврале 1736 г. императорским указом И. К. Кирилову были даны распоряжения по развитию торговли с народами Средней Азии. Он должен был организовать в Оренбурге прием восточных купцов и отправить летом того года русские торговые караваны в среднеазиатские города. Определенная работа в этом направлении И. К. Кириловым была начата. Он занялся разработкой таможенного тарифа для торговли в Оренбурге, вел переговоры с индийским купцом Марварием о приглашении в Оренбург его соотечественников, проживавших ранее отдельной колонией в Бухаре [1, с. 108-109].

23 октября 1736 г., докладывая об обстановке в Средней Азии, руководитель Оренбургской экспедиции отмечал, что между казахами и джунгарами установились мирные отношения, а купцы из Ташкента, Бухары и других городов «с охотою желают торги свои в Оренбурге иметь». Некоторые из них, по словам И. К. Кирилова, приезжали в текущем году в Оренбург, но торговля не получилась по причине отсутствия русских купцов. Поэтому представители Ташкента посетили Самару с целью выяснить, будет ли на будущий год торг в Оренбурге [7, с. 126].

И. К. Кирилову не суждено было увидеть практического воплощения всех своих планов. В конце декабря 1736 г. он заболел цингой и в апреле следующего года скончался в Самаре. При нем России не удалось принять в подданство Старший казахский жуз и укрепить благодаря этому свое влияние на Средний жуз. Из-за вспыхнувшего в Башкирии восстания руководству Оренбургской экспедиции приходилось тратить много сил на борьбу с восставшим населением Южного Урала. Однако смерть И. К. Кирилова, который являлся идеологом и вдохновителем Оренбургской экспедиции, не повлекла за собой пересмотр стратегии восточной политики России на среднеазиатском направлении. Правительство поставило во главе Оренбургской экспедиции, переименованной в комиссию, тайного советника В. Н. Татищева, руководившего горнозаводской промышленностью страны на Урале и в Сибири и успешно проявившего себя в решении башкирских дел в середине 1730-х гг., которому было поручено продолжить реализацию всех основных целей и задач данной комиссии.

Список литературы

1. **Аполлова Н. Г.** Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Издательство АН СССР, 1960. 456 с.
2. **Басин В. Я.** Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 273 с.
3. **Вяткин М.** Очерки по истории Казахской ССР. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. Т. I. 367 с.
4. **Гуревич Б. П.** Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979. 312 с.
5. **История Казахской ССР.** Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Т. I. 609 с.
6. **История России: Россия и Восток** / сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лексикон, 2002. 735 с.
7. **Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках**: сборник документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1961. 746 с.

8. **Кундакбаева Ж. Б.** «Знаком милости Е.И.В. …»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М. – СПб.: АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, 2005. 304 с.
9. **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
10. **Лобашкова Т. А.** «Отправили для Нашего интереса в Наши подданные земли...»: доношения И. К. Кирилова из Оренбургской экспедиции: 1734-1735 гг. // Исторический архив. М., 2002. № 1. С. 201-214.
11. **Материалы по истории России: сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края**: в 2-х т. / сост. А. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. 1. 128 с.
12. **Моисеев В. А.** Джунгарское ханство и казахи в XVII-XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 240 с.
13. **Российский государственный архив древних актов** (РГАДА). Ф. 248. Оп. 17.
14. **Рычков П. И.** История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. 295 с.

GREAT JUZ IN RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS ORBIT IN THE MIDDLE OF THE 1730S

Il'ya Vasil'evich Toropitsyn, Ph. D. in History
Department of Russian History
Astrakhan' State University
itoropitsyn@mail.ru

The author considers the diplomatic relations between Russia and Kazakh great juz in the middle of the 1730s, pays special attention to the conception formation of Eastern Russian policy in Central Asian direction as well as the questions related to Kazakh great juz preparation for Russian allegiance adoption and Russian - Central Asian trade development prospects and characterizes the measures taken by Orenburg expedition authorities to achieve these objectives.

Key words and phrases: Eastern policy of Russia in the 1730s; Russian-Kazakh relations; Kazakh great juz; Orenburg expedition; I. K. Kirilov.

УДК 930.1; 930.2; 930.85

Статья посвящена проблемам исторической эпистемологии Поля Рикёра (1913-2005) – теоретика современного исторического знания, чьи труды оказали решающее воздействие на развитие современной западной историографии. На основе его трудов прослеживается диалектика исторической объективности и личностной субъективности историка, проблем взаимодействия исторической науки и исторической памяти.

Ключевые слова и фразы: Поль Рикёр; историческая память; историография; герменевтика; объективность и субъективность в истории; репрезентация; дефатализация истории.

Наталья Валерьевна Трубникова, д.и.н.
Кафедра истории и регионоведения
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
nvt@tpu.ru

«КОНТРАКТ ИСТИНЫ» И ДРУГИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЯ РИКЁРА©

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ молодым ученым - докторам наук МД-1336.2011.6.

Поль Рикёр является центральной фигурой французской исторической эпистемологии. По выражению Антуана Про, это единственный философ, «которого историки могут читать, не имея чувства, что он говорит с другой планеты» [8, p. 149]. Задолго до того, как исследователь поэтики исторического письма Жак Рансьер убеждал историков примириться со своим объектом и не уступать сиренам, которые постоянно призывают его к эвтаназии [9], Рикёр объяснял историкам, что они сами в состоянии сформировать непротиворечивое представление о своем ремесле и отстоять его легитимность. Это возможно при условии, если они отвергнут перспективу разделения историографической операции на «сциентистское» и «субъективистское» направления, потому что историк всегда вынужден балансировать между относительной объективностью и субъективностью. Этот «контракт истины» не менялся со времен Фукидида и Геродота.

В основе ремесла историка, в самой его методологической сути, лежит попытка объяснения, апеллирующая к объективности. В этом отношении Рикёр не разделяет ожесточения «Анналов» против методической школы: в истории «это в точности и есть объективность: произведение методической деятельности», то есть искусство документальной критики, преподанное в учебнике Сеньобоса и Ланглуа. Напротив, творчество Мишле, выбранное традицией «Анналов» в качестве предшественника, Рикёр наделяет другой аналитической способностью: разделять прошлое в категориях понимания (герменевтики), причинных отношений, логической дедукции, исходящей

© Трубникова Н. В., 2012